ИРИНА САБУРОВА

РАЗГОВОР МОЛЧА

СТИХИ

МЮНХЕН—1956

. . .Откроет двери в мир
иной мне сон,
А то, что брошу здесь
в последнем платье,
Похороните под последний клен
Я им сестра. Они мне были братья

ПОД ЗНАКОМ ВОДОЛЕЯ

1944---1949

Ты родился под знаком Водолея.
Я—в знаке Рыб.Связал нас Водолей!
Кому из нас с тобой вода нужнее?
И в чьих глазах струится зеленей?

Любовь прольется звонкою струею,
А воду—невозможно удержать.
Вот почему мы встретились с тобою
Вот почему—нам вместе не бывать

Недолги встречи в знаке Водолея.
И никому не избежать судьбы. . .
Я пролитую воду—не жалею.
Но рыбы погибают без воды.

Столько лиц. Людей. И разных судеб.
Близки и печально далеки.
В этом одиночестве на людях
Смертное проклятие тоски.

Слишком много стало сумасшедших
И сердец из битого стекла.
Хочется любить простые вещи,
Как кусочек близкого тепла.

Смертью больше или меньше. Только.
Днем -- забудут. И не вспомнят -- в ночь.
Если человеку очень горько,
Значит — некому ему помочь.

Был у меня когда - то дом,
Который я любила
И я не только горе в нем,
А радость находила.

И многим—близким и чужим
В нем сердце согревала.
А где огонь—бывает дым
Что ж — всякое бывало.

Был у меня когда — то дом,
Любимый был когда — то. . .
Холодный ветер за окном
Примчался от заката.

Холодный ветер душу рвет
И воет , воет, воет. . .
Так в этот сорок пятый год
Меня землей покроет.

На картах — смерть в краю чужом
В год этот -- сорок пятый . . .

Прибейте надпись над крестом:

« Был у нее когда -- то дом;
Любимый был -- когда -- то . . . »

Ждать поезда, который не придет.
(Не всем же в расписанье уложиться!)
И ждать, что именно вот здесь сойдет
Тот, кому это даже не приснится.

И что дорогу сможет отыскать,
Ни адреса не зная, ни названья...
Вот это значит: научиться ждать.
Раз невозможно даже ожиданье!

На карте есть маленький город
С таким красивым названьем:
Как только увижу я карту,
Стараюсь его отыскать:
Мы знаем о нем только двое,
И были там счастливы очень:
Два дня и почти две ночи:
Счастливей нельзя нам стать.
Там небо в заре как в розах
Над старым и гулким костелом,
И снег на мосту морозный—
Вода от зари розовей.
Цветы пред святым Непомуком
В подножии ниши слезной —
В глаза твои пролил зелень
Веселой воды Водолей.
Скажи, ты не знаешь, милый,
Как нам в этот город вернуться
Какою пройти бы дорогой,
Чтобы снова попасть в него?
Какими еще словами
Молить мне святых о счастьи?
На карте—есть маленький город.
А у меня—ничего.

Проходит все . . . О нет, не все проходит!
Лжет камня Соломонова печать.
Воспоминанье не пьянит, а бродит.
А вспомнить, это значит пожелать.

Тяжелый крест согнул устало плечи.
Живым и мертвым — всем даны кресты.
О нашей первой — и последней встрече
И я забуду, — и не вспомнишь ты.

И все — таки, устало и упрямо,
Рассудку и стихиям вопреки,
Как поцелуи — прячем наши раны,
И любим мертвых больше, чем живых.

Ходить бы с тобою вместе
По всем полям и дорогам,
Навстречу любому ветру,
И с Севера, и с Востока.

В глазах идущего рядом
И небо, и солнце видеть.
В твоей улыбке, любимый,
Все новую силу черпать.

Какое простое счастье!
И как оно невозможно . . .
В большом и просторном мире
Одной не нашлось дороги.

Идем путями чужими,
Один о другом не зная . . .
Под этим ненужным солнцем,
В холодном западном ветре.

Их было только—восемнадцать дней.
Горели дни. Как города сгорали.
Я помню все. Игру твоих бровей
И серый лоск твоей диагонали.

Как странно по строкам собрать в альбом,
По лоскуточкам—что еще осталось.
Пускай прочтет по своему любой,
О нас с тобою — между строк вписалось.

Снег с каждым годом тише и нежней.
Как будто наш. И никогда не таял.
Всего — то было — восемнадцать дней!
Но что поделать. Больше -- я не знаю.

Такиеж дни. И даже ночи — те же.
Луна и снег, и вечер голубой.
В такие дни я вспоминаю реже, --
Не вспоминаю -- а живу тобой.

Все кончено. Счет сухо подитожен.
И все -- таки, у елочной звезды...
Он был последним... Милостивый Боже,
Последним в жизни! Понимаешь Ты!.

Быть может, в Конго —или в Аргентине
В чужой толпе услышу тихий смех
И сразу вспомню: этот вечер синий
Твое лицо — и снег, и снег, и снег!

Быть может, в Чили — или в Парагвае
Или в родном, единственном краю
Любимый голос спросит: « Не узнали?»
И я отвечу: «Нет, не узнаю».

Но все таки — где б ни было на свете
Но этого — среди всего о всех --
Я не забуду: наших улиц ветер,
Твое лицо, -- и снег, и снег, и снег!

. . . И почтальон забыл дорогу к дому,
Но письма получаешь от друзей.
О том, что жить, конечно, тяжелей,
И что один, конечно, враг другому

Но есть письмо, которого не ждешь.
Так -- есть слова, но их никто не слышит.
Так письма -- есть. Их только не напишут.
И счастье -- есть. Но только -- не найдешь.

А если . . . все могло бы быть иначе !
« А если так -- царевич мог бы жить ; »
Как это слово много в жизни значит !
Как странно думать : что могло бы быть . . .

От хмеля в сердце -- счастье часто горько . . .
Но я люблю -- наперекор судьбе .

Возми на память отблеск бывшей зорьки .
Возми на память -- бывшему тебе .

РАЗГОВОР
МОЛЧА

1951 — 1954

Любовь стоящего в стороне
Сплошной разговор молча.
Под каждой улыбкой на дне
Вонзаются зубы волчьи.

Боль раздирает и жжет.
Крикнуть бы: Боже, доколе?!
А в слух говорится: « Ну вот,
Выпить бы нам, что ли . . . »

Любовь стоящего в стороне
Бессильна и бесполезна.
Есть средства. петь гимн весне,
Или работать прилежно.

Или нестись с тоски
В стокилометровый ветер.
Ветер несет клочки,
И их никто не заметит.

Любовь стоящего в стороне
Изламывает без пощады.
Может быть, вам — или мне
Именно так и надо?

А если в какой нибудь час
Вдруг не выдержат нервы . . .
Не ново? Но тысячи раз
Не исключают — первый.

Горит румяным яблоком заря,
В осеннем небе гаснет понемногу.
Скользит вдоль окон, в вечер октября
От фонарей зеленая дорога.

Как много значат вспышки на пути
Огня в окне. В глазах. Хотя бы в мыслях.
Как было б трудно без тепла пройти
Сквозь холод жизни, разума и чисел!

Горят огни в раздвинутых путях.
Как боль горит и жжет под левой грудью!
И я боюсь канунов декабря,
И холода, который еще будет.

ТУМАННЫЕ КАНУНЫ

1

Дни белые, как будто бы луна
Поднявшись и задумавшись, застыла.
И небо затуманила до дна.
И лунным дымом все засеребрила.

Пусть снега нет, а изморозь, как пыль
Но кто глаза имеет, видит тоже,
Что даже стал любой автомобиль
На зверя, и приличного, похожим.

Пусть звезды только в окнах у витрин
Ну что ж.Вот стали ближе и иными.
А из прохожих вспомнит вдруг один
Потухшее в далеком небе имя,
И в каждый миг, движенье, поворот
На улице, в полях, в окне вагона
Врывается вдруг сказок хоровод
И застревает веткою зеленой.

2

Почему декабрьские туманы
Белым дымом потушивши день,
Все кусты, деревья, все бурьяны
Нарядили в белую сирень?

И такой густой, тяжелый иней,
Что ему прикинутся легко,
Будто бы в морозной этой стыни
Горы и снега недалеко.

И дополнителные кабеля
Низко, между столбами
Ложатся, как колея
Над деревьями и полями.

Мир чудесен и дик —
Воздушной этой дорогою
Может пройти лесовик
До самого города строгого.

В шубе, как дед-Мороз,
По толстым от снега нитям —
Радость, что он принес,
Надо же как то выпеть.

Горе у нас — слова.
Радость — слезой жемчужной.
Разве и мне, и вам
Это не то, что нужно?
Разве скользящий дым
Мимо окна вагона
Не делает молодым,
Трепету обреченным?

Может быть, кабель зовут
Как нибудь и иначе.
Сказки одни живут.
Остальное — совсем не значит.

Может быть, видно вам
Совсем другую дорогу.
Важно, чтоб петь мечтам,
Что Рождество — у порога!

Ну, как же они нарядились,
Березки и елки! И сучья
У этого, у косогора
Нежнейшею розой — куста!
Наверно, не мало возились,
Чтоб все филигранные прутья
И даже бурьян у забора —
Одна кружевная мечта!
Ах, мне бы такое — на платье!
Ах, мне бы такие сережки.
Из ягод шиповника алых
И белый жемчужный подбор!
А ель в горностаевой вате?
А эта парча на березках
На фоне туманных опалов?
Какой восхитительный вздор!

И вот там — не старая ветла,
А шагнул вперед корявый леший.
Смотрится на заводь из стекла,
Как он мелким бисером увешан.

Надо ж ей согреться под плащом
Из совсем уж ржавых листьев дуба!
Девочке с серебряным лицом
Он целует ледяные губы.

И качает нежно на руках,
В сучьях неуклюжих и шершавых,
Девочку в серебряных кудрях,
Сказку, серебристую, как травы.

На улицах вечерние огни
Никак не могут побороть тумана.
В предпразнечную сутолоку дни
Проходят беспорядочно и странно.

Да как же им иначе проходить,
Да и зачем их размерять на клетки,
Когда улыбки заплетают.нить,
Напутанную в елочную ветку?

Ведь для того и ткутся кружева,
Ведь для того и зажигают свечи,
Чтоб у людей кружилась голова
Хотя б на миг. А лучше — целый вечер!

Я человека знаю по глазам,
Каким живет он. Бедным иль богатым.
Ко мне приходят мыши по ночам,
И тащут сказки, чтоб прочесть мышатам.

В моем кольце горит александрит,
Меняя цвет: его нельзя подделать.
Как сердце, если сердце говорит,
Как счастье, если нам дано изведать.

Мне дорог каждый зверь, и вещь, и куст,
И даже паровоз бывает братом.
А с ними мир нигде не будет пуст.
Но мир живой, а не взорвавший атом!

Да, я люблю. И жизнь, и смерть, и сон.
И я рассказываю сказки людям.
Но если будет кто нибудь прощен,
То, может быть, и мне прощенье будет?

Без дождя засыхает трава.
От похмелья болит голова.
Волга входит в Каспийское море . . .
И такая любовь, как у нас,
Повторялась тысячи раз,
И кончалась таким же горем . . .

А четыре есть дважды два.
Золотые это слова!
Только мы их совсем забыли . . .
Потому что — как бы сказать?
Выходило и три ведь, и пять,
Раз с тобой мы так счастливы были!

Так вдруг в глаза вонзается печаль,
И губы не успеют улыбнуться,
Как падают в молчание слова,
Которые не смеют встрепенуться.

Так вдруг остановившись на бегу,
Средь стольких лиц, своих и незнакомых
Вдруг хочется кричать: я не могу
Тебя забыть — и я не смею вспомнить!

Всю ночь шел дождь холодною весной.
И в комнате, до самого рассвета
Я слушала, усталой и больной,
Как я с тобой на хутор твой поеду.

Ты помнил и курган, и поворот,
И старый дуб, черкешенкой посажен,
И как такой же дождик там идет,
И как совсем по новому он важен.

В моей стране всегда росла печаль,
Горел янтарь и бесновался ветер.
Но дедовскую чару за Кубань
С тобой мы пили в этот долгий вечер.

Как этот дождь в ушах моих стучит!
Как будто в сердце мне стучится кто-то . . .
Есть где то дом. И старый дуб стоит.
Ты только — не заметил поворота!

Нам сказки даны за обиды,
Чтобы их спрятать суметь.
Глаза даны, чтобы видеть,
А сердце — чтобы болеть.

Можно ли счастье разрушить,
Чтоб песню о нем пропеть?
Нам уши даны, чтобы слушать,
А сердце — чтоб умереть.

Осенние падают листья . . .
Так платит золотом осень
За наши надежды, и мысли,
И счастье, которое просим.

А звезды осенней ночью
Одна за другою, как птицы,
Падают с неба цепочкой,
Чтоб с нашим счастьем проститься.

Но небо без звезд пустеет!
А лес без листьев заплачет!
И только мы не жалеем
Любой расплаты за счастье.

Идет баварец в куртке расписной.
Со свеч каштана льется снежный пламень.
И как всегда, когда одна с тобой,
Я говорю и думаю стихами.

« Одна с тобой » — конечно, тоже бред.
Одна совсем — так было бы вернее.
Но как то не подходит слово « нет »
Для солнечной и ветренной аллеи.

Пусть думает медлительный каштан,
Приятный снег роняя мне на плечи,
Что улыбаюсь я своим мечтам,
А не над тем, что ты меня не встретил.

Кто поможет прикинуть,
А подсчитать боюсь:
Встретились — вышел минус.
А не встречать бы — плюс?

Геометрию кто поверил бы!
Если пройти насквозь,
Выходит, что параллельные
Пересекаются — врозь?

В жизни своя арифметика.
В логике жизни — боль.
Встретились иль не встретились,
Минус на минус — ноль

Есть мой портрет. Подарен и лежит,
Подписанный сияющей весною
Любимому. И если он хранит,
Как бережно хранится дорогое,

То, посмотрев, пошлет он мне привет,
Как будто в дни, когда мы вместе были . . .
Но если сохранился мой портрет,
То вот меня — совсем не сохранили

. . .Так иногда, в какую нибудь осень,
На перекрестке пройденных путей
Холодный ветер жалобно мы просим,
Чтоб не гасил последних фонарей.

Ведь за огни платили не напрасно!
А золоту — казалось — не ржаветь!
Но вот — темно. И станет жутко ясно,
Что серебро — разменяно на медь.

Теперь со смертью я живу на « ты ».
А чтоб она не очень торопилась,
Я приношу домой себе цветы,
Которые мне не приносит милый.

Она, конечно знает, — и молчит.
А если улыбнется, — то не грозно.
Мне принесут цветы — для панихид.
Но эта радость будет слишком поздно!

Одиночество, это: мысли,
Произносимые вслух.
Скользящий снег или листья,
Касающиеся, как друг.

Умиротворенность раздумий
И даже счастье кусочек:
Одинокий человек — умный,
Знает — и ничего не хочет.

Для наших встречь всегда росли цветы.
Зимой, под снегом выростали тоже.
Был самым близким и любимым ты,
Ни на кого другого не похожим.

Как рассказать мне обо всем теперь,
В последний раз, последними словами?
Прощай, любимый. Затворилась дверь.
Я все сказала. Этими цветами.

Упасть и не подняться. Не могу
Идти я больше. Господи, помилуй
Я думала, что память сберегу,
А я и память вынести не в силах.

Запуталась. Разбилась. Не дано
Ни жить самой, ни жизни дать другому.
Какою бы дорогой все равно
Мне не идти — я не дойду до дому.

На всех путях поставлены кресты.
На всех крестах прибито слово « милый »
Гвоздями в сердце. Господи, хоть Ты
Хоть не меня, — кого нибудь помилуй!

Течет вода и уплывает в даль.
И мимо берег, на котором — счастье.
Любимый мой, любимый мой, прощай.
Не в первый раз — в последний раз я плачу.

Нет слез таких, чтоб облегчили грудь.
Но то, что знали умные другие, —
« Кто не любил, того нельзя вернуть », —
Любимый мой, я поняла — впервые.

Листьям полагается шуршать,
Ветру — выть над мокрыми полями.
Самое больное рассказать
Нам не полагается словами.

Каждый день благословен и час,
Солнце дня, вечерняя прохлада.
Самое хорошее у нас
Самому любимому — не надо.

Сердце можно в руках сдержать,
Чтоб не пело, не плакало снова.
И если нельзя сказать —
Промолчать это можно слово.

Можно даже считать: «никогда».
И придумывать равновесье.
Только что же делать, когда
Кто нибудь запоет твою песню?

Рогатый дом на этом перекрестке,
Где рыжие каштаны за стеной.
Где ветер был пронзительным и хлестким,
Как все, что было связано с тобой.

Кому из тех, кто здесь идет спокойно,
Известен счастья торопливый ход?
Кому здесь было нестерпимо больно?
Кто листья для букета соберет?

Но у меня не бьется сердце тоже,
Ни радости, ни ни горести. Сухи
Мои глаза И кажется похожим
И этот дом — на тысячи других.

Были, как белое пламя
Ландыши на снегу.
Если не мужем знала,
Другом тебя сберегу.

Как же горела утрата,
Мучила, даже во сне.
Ни любовником и ни братом
Ты не остался мне.

«Остальное—молчанье»
Гамлет

Можно построить дом,
И цветами его украсить,
Так, чтобы каждым окном
Из него улыбалось счастье.

Радость поздних наград
Часто бывает горькой:
В дом этот, в листопад
Один не придет — только.

Ступеньки прежних крылец
Стали воспоминаньем.
Сказано ведь: « Конец.
Остальное — молчанье ».

ЗЕЛЕНЫЙ
МИР
1954 — 1955

Могла бы рассказывать много
О том, как зеленый мир
Учил меня верить в Бога,
И жить, и любить учил.

Яснее всех философий,
Прекрасней, быть может, любви,
Моя синеокая осень,
Лесные молитвы твои!

Но тем, кто на камне вырос,
Цветы — это лишний хлам.
Те петь не пойдут на клирос
В самый весенний храм.

А те, кому радуга в небе —
Самый крепчайший мост,
Кто знает не цену о хлебе,
А в поле в цветах, где он рос, —

Те знают, кто создал листья,
И как в тишине трава
Иначе врастает в мысли
И им не нужны слова.

Ива, я тебя не видала
Когда ты лозою росла
Над какой то канавой
Мутнеющего стекла.

А теперь громадиной стала . . .
И одиноко стоишь
У каменного канала,
Где не смеет расти камыш.

Вчетвером тебя не обнять бы!
Рассеченая кора . . .
Говорят, что у вас на свадьбу
Обряжались здесь все вчера.

Только в кипене белых кружев
Боярышника кусты
И пчелам сейчас не нужны
Сережек твоих цветы.
А те, что росли над водою,
Друзья, под твою же стать . . .
Вот почему с тобою
Я прихожу молчать.

Я люблю рябину до сих пор.
Девочкой ее еще любила.
В сарафане влезши на забор,
Из нее себе я бусы шила.

И потом бывало столько дней,
Осенью, любимой и желанной,
Когда сердце пело вместе с ней,
Озорной, хмельною, киноварной.

И теперь рванулась к ней, любя,
Но -- своей рябины не узнала.
Как такую горькую -- тебя
Я веселой раньше называла?

Ходить у чужих заборов
И знать, что за ними -- счастье.
Земля, согретая солнцем
В саду зеленом расцветшем.
За то, что люблю я землю
И в солнце, и в дождь осенний,
За то, что в лесу пою я,
Свои веду разговоры
Со злым татарником даже,
За то, что молилась бы Богу
В саду своем каждый вечер,
И плакала б, в клен уткнувшись,
О счастье, которого много,
Но только не всем дается, --
За это, наверно, от Бога
Дана мне такая дорога --
Мимо чужих заборов,
Где в сад не растворят калитки.

Колокольчик с поляны той
На которой звенел когда то . . .
Сколько хожено здесь с тобой,
Сколько плакано и помято!

Все так же растет трава,
Такой и совсем другою . . .
Собираю цветы, как слова,
А рассказывать их -- не стоит.

На этой лесной дороге
В такой мой усталый вечер
Цветут королевские свечи —
Справа и слева, много . . .
Торжественно, прямо, строго.

Королевскими их называют.
Светятся желтым сияньем.
Говорят, что они исцеляют,
А от чего — не знаю.
Вот, если это знала, —
Я бы так не устала . . .

Какую хорошую смерть
Посылает Господь растеньям!
Киноварь ,золото, медь
В их последнем гореньи.

Если бы мы могли
К старости стать красивей,
Чтоб уходить от земли
Радостно и счастливо!

Ах да . . . теперь я маленькою стала
Не королевой .- просто судомойкой.
Но если б жизнь начать опять сначала,
Одни цветы я повторила б только.

Чтоб снова мир казался с ними светел,
Чтоб никого никто не мог обидеть,
И чтобы тот, кто раньше не заметил
Теперь их мо г как следует увидеть!

Как билась птицей горсть засохших листьев
На ветке -- флаг, протянутый в норд -- ост
И как взметались и неслись в бессильи
В шуршащий ворох облетевших звезд!

Но вот деревья графикою строгой
Воздели сучья на краю дорог
Чтоб легкий снег посеребрил дорогу --
И Рождество шагнуло на порог.

Простой отвар из ивовой коры
Излечивает сильную простуду.
И исцеляющая благодать травы,
Любой травинки — равносильна чуду.

Но где найти такие лепестки,
Которые излечат от Тоски?

Другу Федору

Люблю заботливый шопот дождя,
И радостно мне при мысли,
Что где то вздыхает под ним земля,
И в чьем то саду — листья.

А если я вижу, как мокнет народ,
Особенно — мотоциклисты,
Я думаю: вот он домой придет,
Где будет светло и чисто.

И если затянуто все кругом,
И даже в июле — серо.
Я думаю: как хорош был бы дом,
Свой, и особенно белый.

Чтоб этих же капель по крыше стук,
И в сердце — воспоминанье...
И сад мой, мой сад...

Дорогой мой друг,
Я знаю, что жизнь — заколдованный круг,
Но как же — без ожиданья?!

На двадцать верст веду лесам учет
Где что растет, цветет и созревает.
Когда весной черемухе черед,
И где рябина осенью пылает.

Где будут колокольчики звенеть,
Про чьи глаза, и о какой разлуке...
И ежевики липнущая плеть
Мне, как всегда, до крови ранит руки.

От запахов ликующей весны
До мухоморов сказочного бора,
От белоснежной хрупкой тишины
До папортников нежного узора, —

Лес не подобен остальным друзьям:
Он все дает и ничего не просит.
И открывает двери всем ветрам
Закату дней распахнутая осень.

« Простонародное название этой
травы -- « кровохлебка »

Цветы на шишки похожи --
Маленький сгусток кровавый.
Скажи, тебе больно тоже,
Или не больно — травам?

В такую спокойную осень
Кровью своей истекая...,
Я знаю. Мы обе не просим
С тобой — никакого рая.

Две синевато—белых колеи
Легли в снегу глубоком на аллее.
Февраль пролил застывшие струи
Веселого упрямца—Водолея.

А сумасшедший месяц—синий март
Пригонит звездных Рыб, чтоб выпить жадно
Сосульки, снег, и лужи все подряд,
И ветром сдуть следы снежинки каждой.

И на снегу застывшие следы
Тех,—кто прошел своею здесь дорогой
Так,-- от одной и до другой звезды
Для этих звезд не означает много...

Сочетаний красок так много
Но кажется, нет красивей
Черного с белым -- строго
На небе, от холода синем.

Деревьев темные сучья
Под снега прохладной ношей
Будто от тяжести гнутся
И думают о хорошем.

О том, что зеленое лето
Им ветренный груз накинет...,
И вот, пока видим мы это,
Нас тоже Бог не покинет.

Такое чувство, будто кто — то встал
В том далеке' где все -- одно сиянье,
И машет мне рукой, чтоб я пришла
Сквозь пыль дорог, и через все страданье.

Не знаю кто — но самый близкий мне
И солнца свет, и леса тень колышет...
Мне не дойти к прохладной тишине.
Но не дойдя, я' может быть, услышу....

ОГЛАВЛЕНИЕ